

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА: СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ ЭГОИЗМА ВЛАСТИ

Предложен способ измерения направлений социокультурных трансформаций. Способ предложен на основе установленного критерия самоорганизации информационных систем, в качестве которого выступает эффективность информации (результат получен в рамках выполнения проекта РФФИ № 11-06-00160). Этот способ назван автором «семиотическая диагностика».

Ключевые слова: семиотическая диагностика, информационно-синергетический подход, биоэтика, символ как оператор социального действия, метафора о многоликом Янусе, метафора о Вавилонской башне.

Постнеклассическая методология предложила новую эпистемологию для изучения действительности и реальности сложных открытых систем. Поскольку свойствам подобных систем отвечают социокультурные системы, то этому новому направлению в науках о человеке и обществе было суждено стать источником множества исследовательских программ, разработанных и разрабатываемых в духе социальной синергетики. Однако всплеск эпистемологического энтузиазма, которым были встречены эвристические потенциалы синергетики, уступил место разочарованию от результатов внедрения в гуманитарные исследования методов исследования нелинейной динамики, обеспечивших фундаментальным наукам прорыв в понимании механизмов самоорганизации систем различной природы. Причиной данного разочарования стало то, что методы исследования нелинейной динамики – это прежде всего численные методы, которым пока не найден способ применения в гуманитарных науках.

Методологическую проблему составляет нахождение того, что в мире человеческого существования способно быть выражено в числе. В философии постановка этой проблемы известна, например, в версиях, предложенных пифагорейцами, приверженцами натуральной философии и позитивистами. Данные предложения касались непосредственного измерения сущностей, организующих антропологическую или социальную действительность и реальность.

В настоящей статье предпринята попытка «обходного маневра» для «атаки» на проблему применения точных методов в гуманитарных исследованиях. Основу этой попытки составляет разработка способа измерения социокультурных трансформаций, вызванных спонтанным появлением беспрецедентных для культуры инноваций. В роли такой инновации выступила биоэтика, а в роли способа – комплекс процедур, названный авторами семиотической диагностикой. Этот подход был апробирован в книге «Меч и скальпель» [1].

Об эгоизме власти и силе символов. Власть обладает множеством воплощений в нашем вос-

приятии действительности. Первые из них связаны с восприятиями проявлений власти сильных мира сего и политической власти. Если же любой из нас представит всю сферу своей зависимости от действия тех сил, которые превышают возможности или желания им противостоять, то очевидными станут другие воплощения власти. Власть традиций и стереотипов, власть идей и языка, власть любви и мечты, власть инстинктов и осознания бренности существования – все перечисленные виды власти облачают себя в образы культурной памяти, иерархий коммуникаций и ценностей, жизненных целей и страданий. И все носители власти – авторитеты морали и правители, учителя и близкие, идолы нашего сознания и реалии жизни – выражают свои цели как благие цели добра, самосовершенствования или пользы. Но иногда бывает, а на самом деле бывает всегда, что «хорошая цель» власти не совпадает с представлением о «хорошем» тех, на кого власть направлена. Несовпадение образов «хорошего» и «нужного» – есть источник эгоизма власти. По этой причине даже исполненная альтруизма власть обнаруживает свой эгоизм. Итак, дело не столько в эгоистичной или альтруистичной природе людей, а в природе самого феномена власти.

Власть всегда числит символ среди своих оружий. Но символ способен стать и средством противостояния власти. То, что символ является обоюдоострым оружием, демонстрирует известный пример. После бескровной оккупации Дании гитлеровскими войсками, новая исполнительная власть велела всем евреям носить желтую повязку на рукаве и шестиконечную звезду на верхней одежде. Король Дании, не предотвративший в силу понятных причин оккупацию, оказал сопротивление этому распоряжению, «взяв на вооружение» эти же символы. На следующий день король и все его придворные вышли прогуляться по улицам Копенгагена с желтой повязкой на рукаве и шестиконечной звездой на верхней одежде. Символ обладает силой, действующей по своим правилам.

Время сплетает сеть символов, а материал для этой сети «поставляет» социокультурная селекция образов целей и способов их достижения. Резуль-

татом селекции становятся самобытные эпохи культуры и самодовлеющие в них ценности, «разрешающие» те или иные способы воздействий и взаимоотношений. В итоге властная символика становится силой, которая ищет способы «ампутировать» все варианты, выходящие за пределы ею разрешенных способов действий. Отсечь то, что несет в себе угрозу существования, был способен меч, отстаивавший власть в битвах, и скальпель, лечащий раны, полученные в битвах или наносимые жизнью.

Меч изменялся на протяжении истории. Менялись и требования к человеку, имеющему право на обладание мечом. Неизменным оставалось одно – меч был оружием воина, а не разбойника, и даже в качестве карающего оружия был обращен к защите веры, чести и достоинства. Постоянство этих условий обеспечило мечу существование и в качестве символа.

Скальпель остается действенным инструментом власти иного рода. В XX в. она получила имя био-власти [2]. Она стала воплощением торжества науки. Той науки, целью которой с XVII в. было получение человеком власти над природой, что в XX в. привело к получению власти уже над природой человека – над его естеством, над началом, длительностью и завершением его жизни. Почти за четыре века мы привыкли повторять гордый девиз «Знание – сила», впервые провозглашенный в XVII в. При этом все всегда знали, что на самом деле силой является власть, которая сама выбирает, в чем будут выражать себя силы в разрешенных ею пределах.

Био-власть грозит оставить человека безоружным перед орудиями своего эгоизма. Скальпель в отличие от меча есть орудие, направляемое не на равного, а на страдающего человека, который, по словам, сказанным в аннотации к книге К. Дёрнера «Хороший врач», рискует при столкновении с болезнью утратить свое значение и ценность для общества и семьи [3]. Этот человек чрезвычайно зависим от несовпадения смыслов «хорошего» для него и для того, кто держит скальпель. Примечательно, что К. Дёрнер адресует свою книгу, написанную уже в XXI в., не только коллегам-врачам, но и всем, чьим делом является забота о другом человеке – к педагогам, социальным работникам и иным проводникам добродетелей в обществе.

Технологии био-власти делают реальным достижение того, что издавна было лишь соблазнами мечты [4–15]. Скальпель, которой в предлагаемом изложении символизирует реалии и потенциалы технологий био-власти, способен не только восполнять утрачиваемую в болезни норму, но и превосходить эту норму, т. е. он стал инструментом

произвольного выбора нормы. Данный выбор веками совершался в пределах, обозначенных символизмом моральных кодексов для тех, кто имел право держать скальпель. Но в конце XX в. этическая традиция обнаружила свою брэнность, поскольку даже в непреложном принципе «не навреди» был услышан эгоизм власти единственного образа «хорошего», что лишало страдающего человека права на свое понимание «хорошего» или «правильного». Новый моральный кодекс пытается предложить биоэтика, защищающая жизнь и ее право на всю множественность проявлений своих целей и форм.

Трудно ответить на вопрос: биоэтика стала символом противостояния эгоизму био-власти или био-власть в символах биоэтики находит способы ограничить действия и последствия применения собственных сил? Трудно дать точные формулировки проблем, возникающих в переживаемых трансформациях властных взаимоотношений, и находить их решение в исследовании культурных детерминаций принципов биоэтики. Вообще, семиотическая диагностика создавалась трудно. Естественно, что отмеченные трудности преодолеть без развлечений было невозможно. Развлечением было наблюдение за игрой символов в mass-media – мощной власти нашего времени. Вот изложение случайного впечатления от одного из наблюдений.

Популярный сериал «Доктор Хаус» предложил образ гениального врача, который игнорирует правила деонтологии, ведет себя как наделенный властью эгоист, подвержен всем соблазнам, постоянно утверждает, что «все лгут», и сам страдает от невыносимой боли в ноге, что заставляет его всегда ходить с тростью. Боль может прекратить только ампутация ноги, на которую он не согласился, полностью сознавая все последствия этого решения, идущего вразрез с советами врачей. Примечательно, что в пластических решениях эпизодов фильма главный герой, мучимый болью, обращается с тростью как с мечом. Настоящим мечом он также обладает, как и владеет искусством хирурга. Итак, персонаж фильма наделен мечом и скальпелем, постоянным страданием и убеждением «все лгут». Обманам языка доктор Хаус противопоставляет правду поступков, в которых человек точно фиксирует свои намерения, предубеждения и заблуждения. Забавно то, что имя главного героя – Хаус (от английского слова «дом») – натолкнуло на интерпретацию одного из главных тезисов философии XX в. «язык есть дом бытия». «Словами» этого языка стали символы, меняющие свои значения в XXI в., а для того чтобы «прочитать» текст бытия в современности, необходимы точные методы диагностики и умение ощутить страдание другого как свое.

Тотальность вербальной лжи, утверждаемая доктором Хаусом, порождает необходимость поиска способов ее преодоления. Одним из способов может стать тот, который предлагают авторы в качестве семиотической диагностики. Этот способ опирается на ряд положений. Первое из них состоит в том, что не лгут поступки, становящиеся знаковыми жестами. Поступок становится симптомом скрываемых намерений. Диагностика намерений требует провести семиотическую реконструкцию всей последовательности событий. Второе положение состоит в том, что воплощение в знаках своих намерений отвечает операции абдукции, которую Ч. С. Пирс вывел в качестве процесса самопроизвольного семиозиса. Этот процесс вариативен, т. е. у него есть несколько траекторий, связывающих переходы от одного знака-поступка к другому знаковому жесту. Третье положение опирается на принципы информационно-синергетического подхода, согласно которым каждая из стадий информационного процесса своим результатом имеет семиотическую форму, последовательность этих стадий является изоморфной для систем любой природы, а сам информационный процесс есть механизм самоорганизации сложных открытых систем [17].

Перечисленные принципы позволяют реконструировать траектории переходов хаос – порядок, в которых хаос представляет все колебания, или в обсуждаемом контексте – всю игру воображений, для выбора выражения своего намерения в знаке, а порядок представляет устойчивую форму знака, которая становится «стартом» для следующей информационной стадии семиозиса. Итак, изоморфизм структуры информационного процесса делает возможным семиотическую диагностику, сводящуюся к реконструкции траекторий образования семиотических форм, означающих поступки, которые являются симптомами действительных намерений и побуждений. Вместе с тем абдукция есть логика выдвижения гипотез. Проверка же гипотез о реальных намерениях власти требует объективных процедур измерения направленности ее воздействий.

Власть воплощает в символах вектор силы. Но вектор, как известно, характеризуется величиной и направлением. В гуманитарных науках нет способов для измерения величин. Вместе с тем есть возможность измерять положение начала и положения «острия» вектора. Как три координаты задают эти положения вектора, так и три компонента семиотики (семантика, синтактика и прагматика) задают положение конечной точки силы, т. е. нацеленность власти, а начальное положение этого вектора задает то, из чего исходит эгоизм власти – из представления о едином для всех благе.

«Многоликий Янус» и «Вавилонская башня» – метафоры об объектах семиотической диагностики. Многие абстракции делают понятными метафоры. Метафора, как остроумно акцентирует В. Л. Рабинович, буквально переводится с греческого языка словом «тележка», призванная перевозить свой «груз» из одного контекста в другой [18]. Этот «груз» становится смыслом, понимаемым только за пределами семиотического пространства, которое покидает «тележка», поскольку обогащается значениями, живущими в пространстве ее пункта назначения [19]. Итак, всем известные метафоры помогут осуществить своеобразный понятийный трансфер из специфической области синергетики в проблемное поле гуманитарных исследований.

Социальный контекст современных инноваций раскрывает метафора о Вавилонской башне. Аналогом гордого замысла ее архитектуры стали проекты информационного общества и общества знаний, породившие тотальное действие технологий, которые сделали реальным конструирование человека человеком. Сложность мира Hi-Tech воспринимается в качестве усложнения социальной действительности. При этом упускается из виду сущность любых технологий, специфика которых в упрощении способов воспроизводства неких результатов. Технологии, конструирующие всю современную реальность, позволяют человеку, в том числе ученому и разработчику конкретных составляющих этих технологий, быть экспертом только в чем-то одном, оставляя даже образованного человека в беспомощности профана во всем другом. Со времен возникновения примитивных культур и до последней трети XX в. людей разделяли пределы их осведомленности. Во все времена положение знающего человека – колдуна или жреца, философа или священника, врача или учителя, мастера или ученого – давало преимущества в ориентации в окружающей действительности и в осознании своего места в потенциальной реальности. В конце XX в. эти преимущества образования утрачены, и все мы получили новую роль *postrow* – человека «безбрового» [20], одновременно воплощающего в себе идеалы культуры высококолых и участь профанов. В библейские времена строительство Вавилонской башни было прекращено тем, что людям было даровано многоязычие и разобщенность. К сегодняшнему времени срок действия этого дара истек, поскольку люди обрели родство профанов и однообразно понимаемый символизм, ставший нашим общим языком в современном качестве коммуникационных технологий.

Унифицирующий эффект Вавилонской башни не входил в прогнозируемые результаты социокультурных трансформаций, но грозит стать их

итоном. Сам этот эффект диагностирует не усложнение структурности социальной жизни, а ее упрощение, что становится самой значительной угрозой для устойчивости и жизнеспособности всех культур. Нарастающей унификации противостоит только разнообразие памяти о пережитом в прошлом. Поддержание данного разнообразия всегда входило в задачи образования. Однако превращение образования в социальную технологию способно унифицировать отношение к истории, к культурному наследию, к социальной и индивидуальной памяти.

Параметры, управляющие динамикой семиотических систем, скрывает многоликость этих систем, которую иллюстрирует метафора о Янусе. Известный образ древнеримского бога – двуликого Януса – воплощал единство «входов и выходов», начала и завершения любых действий, прошлого и будущего. В символике той эпохи присутствие Януса было постоянным – он изображался на самой мелкой монете, его имя дало название первому месяцу года, храмы ему представляли своеобразный коридор между двумя дверями, которые стояли открытыми в военное время и закрывались в редкие периоды мирной жизни. Семиотическая диагностика состоит в реконструкции последовательности шагов по подобному коридору. Однако действительность мира идей и символов преподносит нам сюрпризы, отвечая на воздействия силовых решений непредсказуемыми реакциями. Мир идей движим «единством и борьбой противоположностей», а выражение этого неизбежного закона нашло себя в образе Януса, возглавляющего иерархию высших сил в древнеримских мифах. За десять веков своего главенства Янус «получил» еще два лика. Став четырехликим, что воплощало четыре стороны света, он соединил в себе взаимосвязь времени и пространства действий. Механизмы этих взаимосвязей скрыты от очевидности. Благодаря нелинейной динамике теперь мы знаем, что путь от начала до завершения любых действий не обладает прямолинейностью коридора и его ветвления имеют множество «входов» и «выходов».

И если Янус был сакральной сущностью объединения причин и последствий способов действий, то метафора о двуликом Янусе в семиотическом преломлении раскрывает объединение в одном субъекте реципиента и генератора семиотических форм. В современной действительности это выражено, например, в том, что каждый отправитель символического послания становится его адресатом. Иными словами, в семиотическом пространстве каждый эксперт, являющийся таковым в одной конкретной ситуации, становится профаном во всех других ситуациях, каждый учитель становится учеником, каждый врач становится пациентом, а

каждый правитель становится субъектом управления. Распутывание траекторий между «входами» и «выходами», существующими в современном коммуникативном пространстве, делает бессмысленным поиск конкретного автора или адресата, поскольку в этом качестве коммуникаций индивидуальность утрачена. В современной культуре формой защиты индивидуальности стала биоэтика [21]. Эта роль биоэтики объясняет апелляции к ней в качестве объекта семиотической диагностики состояний культуры в настоящем времени. Кроме того, соединяемые биоэтикой четыре основные идеи морали – этика агапизма, этика самосовершенствования, этика наслаждения, этика пользы – стали основанием для обращения к образу четырехликого Януса, раскрывающего поиски положения «острия» вектора власти. В этом образе каждый «лик» Януса обращен к различным этическим локусам. «Четырехликость», с одной стороны, иллюстрирует невозможность общего для всех блага, а с другой стороны, эта метафора демонстрирует возможность введения векторной величины в процедуры семиотической диагностики.

Следует пояснить данное положение. Идея введения векторной величины исходит из двух известных моделей – модели «этический квадрат» [22] и векторной модели образовательной среды [23]. Модель образовательной среды позволяла проводить их диагностику по положению «острия» вектора единичной окружности, совершающего «вращение» в пространстве, заданном осями «свобода – зависимость» и «активность – пассивность». Оси характеризовали некий продукт, на производство которого была нацелена конкретная образовательная среда. То, что сам вектор понимался в качестве вектора единичной окружности, обеспечивалось особенностью процедуры диагностики, проводимой на основе расчета вероятностных показателей. При всей своей оригинальности модель В. Ясвина обладает рядом недостатков, являющихся следствием того, что «свобода» не представляет собой область отрицательных значений «зависимости».

Методологическая коррекция этой модели была проведена [24] благодаря положениям «этического квадрата», в которых Р. Г. Апресян устанавливал концептуальные границы этических систем. Итогом совмещения моделей, таким образом, стал перевод размерности всего пространства действий из двумерного в четырехмерное. В этом пространстве принадлежность к этике наслаждения была задана устремленностью к «свободе» и «активности», к этике перфекционизма – «активностью» личности и ее «зависимости» от понимания блага другими, к этике утилитаризма – «пассивностью» индивидуальности и «свободой» выбирать благие цели, к

этике агапизма – «пассивностью» и «зависимостью». Итак, начальное положение властного вектора совпадает с «нулевым» положением всех координат пространства, что отвечает интенции к абстрактному благу, а положение «острия» властного вектора попадает в конкретный локус этого пространства. Определение этого «конечного» положения становится возможным по диагностике символики власти.

Данный раздел статьи был начат с возможностей метафоры-«тележки» связывать все разнообразие семиотических форм, по которым мы распознаем компоненты социокультурных воздействий. В основе предлагаемого метода находится установленное обстоятельство: семиотические формы в социокультурных системах возникают в качестве результатов действия информационных процессов. Иными словами, метафора-«тележка» перевозит свой «груз» по пути, проложенному последовательностью перевоплощений феномена информации. В этой последовательности ключевые роли играют стадии генерации информации, ее трансляции и построение оператора, представляющего собой отбор алгоритмов реализации сгенерированной информации. Каждый из перечисленных процессов имеет свою характеристику, соответственно, ценность информации (V), количество информации (I) и эффективность информации ($\varepsilon = dV/dI$). Эффективность информации, как можно видеть, выражает отношение характеристик процесса генерации информации, являющейся процессом выбора варианта достижения поставленной цели, и трансляции информации, являющейся процессом передачи всей символики выбранного варианта для достижения цели. Оператор власти, или отобранный способ достижения цели, будет зависеть от результатов транслируемой символики выбранного варианта.

Итак, оператором власти становится символ цели, а определение принадлежности этого символа к этическим локусам социокультурного пространства выражает процедуру семиотической диагностики. Необходимо подчеркнуть, что все информационные характеристики траектории семиотической динамики способны быть выражены в численной форме, а возможность привлечения векторной величины становится условием для выражения расхождения этих траекторий в пространстве состояний социокультурных систем. Авторами приведены только концептуальные основания для внедрения численных методов изучения нелинейной динамики в гуманитарные исследования. Сами процедуры семиотической диагностики [1] сложно выразить в лаконичном формате статьи. Однако само обсуждение этих процедур обладает актуальностью, поскольку отсутствие точных критериев диагностики направлений динамики делает умозрительной гуманитарную экспертизу новых технологий, управляющих нашей жизнью и впечатлениями о ней. Иллюзии и отсутствие средств декодирования властной символики уже приводят к тому, что в биомедицинских технологиях происходит утрата индивидуальности, в образовательных технологиях – личности, а в философской рефлексии социокультурных трансформаций – субъекта. Мы будем бесконечно строить и разрушать подобия Вавилонской башни, совершенствуя технологии их возведения и уничтожения. Мы будем принимать растущую множественность деталей за сложность и разнообразие, образы коллективной мечты за символы асимптотических целей, деформации социальной памяти за прогресс интеллектуальных традиций, а уравнивающие нас технологии, специфика которых в упрощенном способе воспроизводства результата, за способы обретения родства и могущества.

Список литературы

1. Горбулёва М. С., Мелик-Гайказян И. В., Мещерякова Т. В. Меч и скальпель: семиотическая диагностика трансформаций властных взаимоотношений как культурных детерминаций основных принципов биоэтики. Томск: Изд-во ТГПУ, 2013. 160 с.
2. Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001. 177 с.
3. Дёрнер К. Хороший врач: учебник основной позиции врача. СПб.: Алетей, 2006. 544 с.
4. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / под ред. И. В. Мелик-Гайказян. М.: Научный мир, 2005. 256 с.
5. Аванесов С. С., Спешилова Е. И. Антропология игры // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 4. С. 209–214.
6. Жукова Е. А. Высокие технологии: между наукой и чудом // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 5. С. 201–207.
7. Жукова Е. А., Мещерякова Т. В. Философско-методологические аспекты биоэтической проблематики автономии индивида // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. № 2. С. 206–210.
8. Элентух И. П., Жукова Е. А. Концептуальные основания для создания моделей управления в сфере высоких технологий // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 4. С. 215–222.
9. Люрья Н. А. Демократические ценности и подготовка педагога в современном обществе // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 2. С. 216–221.
10. Кириленко Е. И. Модели медицины в поликультурном мире // Человек. 2011. № 3. С. 111–124; № 4. С. 132–145.
11. Степанов А. А. Креативность и концепции научно-технического творчества // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 2. С. 231–235.

12. Степанов А. А. Метафоры рождения в концепциях научно-технического творчества // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 4. С. 222–227.
13. Степанов А. А. Магия и концепции научно-технического творчества // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 5. С. 208–214.
14. Элентух И. П., Мелик-Гайказян И. В. Критерии эффективности философских решений научно-технических проблем // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 2. С. 222–226.
15. Мелик-Гайказян И. В. Измерение мечты по правилу Льюиса Кэрролла // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 10. С. 202–208.
16. Чупахин Н. П. Потенциал и актуализация знания как основания культуры научного поиска // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 4. С. 227–231.
17. Мелик-Гайказян И. В. Информационные процессы и реальность. М.: Наука. Физматлит, 1998.
18. Рабинович В. Л. Имитаторы Рабиновича, или Небесный закройщик. М.: Захаров, 2010. 780 с.
19. Зинченко В. П. Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 100–113.
20. Сибрук Д. Культура маркетинга, маркетинг культуры: пер. с англ. М.: Изд. Ад Маргинем, 2005.
21. Мещерякова Т. В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 94–99.
22. Апресян Р. Г. Ценностные парадигмы воспитания // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2008. Вып. 1.
23. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. 365 с.
24. Мелик-Гайказян И. В., Роготнева Е. Н. Аксиология моделирования образовательных систем. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 188 с. (Системы и модели: границы интерпретаций).

Мелик-Гайказян И. В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: melik-irina@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 23.09.2013.

I. V. Melik-Gaykazyan

SEMIOTIC DIAGNOSTICS: METHOD OF MEASURING THE SELFISHNESS OF POWER

A method of measuring the directions of socio-cultural transformations was proposed in the article. The method was proposed on the basis of the established criterion of information systems self-organization, the effectiveness of information acts as this criterion (the result was obtained in the framework of the project RFBR № 11-06-00160). This method was named by the author as "semiotic diagnostics".

Key words: *semiotic diagnostics, information-synergetic approach, bioethics, symbol as the operator of social action, metaphor "the many faces of Janus", metaphor "Tower of Babel".*

References

1. Gorbuleva M. S., Melik-Gaykazyan I. V., Meshcheryakova T. V. *Sword and scalpel: semiotic diagnostics of masterful relations transformations as cultural determinations of the basic principles of bioethics*. Tomsk, TSPU Publ., 2013. 160 p. (in Russian).
2. Tishchenko P. D. *Bio-power in the era of biotechnology*. Moscow, IFRAN Publ., 2001. 177 p. (in Russian).
3. Demer K. *Good doctor: a textbook of basic position of a doctor*. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2006. 544 p. (in Russian).
4. *Myth, dream, reality: postnonclassical dimensions of culture space*. Ed. I. V. Melik-Gaykazyan. Moscow, Nauchny Mir Publ., 2005. 256 p. (in Russian).
5. Avanesov S. S., Speshilova E. I. Anthropology of the play. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 4, pp. 209–214 (in Russian).
6. Zhukova E. A. High technology: between science and miracle. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 5, pp. 221–229 (in Russian).
7. Zhukova E. A., Meshcheryakova T. V. Philosophical and methodological aspects of the bioethical agenda of patient's autonomy. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 2, pp. 206–210 (in Russian).
8. Elentukh I. P., Zhukova E. A. Conceptual foundation for the establishment of models management in high technology. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 4, pp. 214–221 (in Russian).
9. Lyurya N. A. Democratic values and preparation of the teacher in a modern society. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 2, pp. 216–221 (in Russian).
10. Kirilenko E. I. Models of medicine in multicultural world. *Man*, 2011, no. 3. pp. 111–124; no. 4, pp. 132–145 (in Russian).
11. Stepanov A. Creativity and the concept of scientific and technical creativity. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 2, pp. 231–235 (in Russian).

12. Stepanov A. A. Metaphors of birth in the concepts of scientific-technical creativity. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 4, pp. 221–226 (in Russian).
13. Stepanov A. A. Magic and concepts of scientific-technical creativity. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 5, pp. 217–221 (in Russian).
14. Elentukh I. P., Melik-Gaykazyan I. V. Criteria for effectiveness of philosophical decisions scientific-technical problems. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 2, pp. 222–226 (in Russian).
15. Melik-Gaykazyan I. V. Measurement of a dream to Lewis Carroll's rule. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, no. 10, pp. 202–208 (in Russian).
16. Chupakhin N.P. Potential and actualization of knowledge as the bases of culture of scientific research. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 4, pp. 226–230 (in Russian).
17. Melik-Gaykazyan I. V. *Information Processes and reality*. Moscow, Nauka. FIZMATLIT Publ., 1998 (in Russian).
18. Rabinovich V. L. *Imitators of Rabinovich, or celestial cutter*. Moscow, Zakharov Publ., 2010. 780 p. (in Russian).
19. Zinchenko V. P. Live metaphors of sense. *Questions of Psychology*, 2006, no. 5, pp. 100–113 (in Russian).
20. Seabrook J. *Nobrow: The Culture of marketing, the marketing of culture*. New York, Knopf Books. 2000 (Russ. ed.: Sibruk D. Culture Marketing, marketing culture. per. s angl. Moscow, Ad Marginem Publ., 2005.)
21. Meshcheryakova T. V. Bioethics as a form of protection of individuality in contemporary culture. *Higher Education in Russia*, 2009, no. 10, pp. 94–99 (in Russian).
22. Apresyan R. G. Axiological paradigms of education. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2008, no. 10, pp. 89–95 (in Russian).
23. Jasvin V. A. *Educational environment: from modeling to design*. Moscow, Smysl Publ., 2001. 365 p. (in Russian).
24. Melik-Gaykazyan I. V., Rogotneva E. N. *Axiology of educational systems modeling*. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 188 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: melik-irina@yandex1.ru